

Небо, до того ясное и напоенное светом, внезапно заволочло тучами — кто бы мог подумать, что проливной дождь нагрянет так стремительно.

Прохладный ветер, просачиваясь сквозь резные оконные переплеты, колючим холодом ударил в лицо, заставив мелко дрожать кисти нежно-голубой ночной красавицы на подставке у входа.

Видя, что непогода не утихает, Нин Фу, запертая грозой в четырех стенах, нашла деревянный стул и села у двери, прислушиваясь к шуму дождя и стараясь не замечать направленного на нее взгляда.

Бросив мимолетный взгляд на Бо Цина, который под навесом раздувал огонь, чтобы подогреть отвар, Нин Фу на мгновение смутилась и поспешно отвела глаза.

Как же некстати вышло... Она всего лишь испугалась того душераздирающего, надрывного кашля А Цзиня, в порыве сострадания решив его успокоить и похлопать по спине. Но именно в этот момент вошел Бо Цин с чашей лекарства. Увидев эту картину, он так опешил, будто встретил привидение, что выронил чашу, и та разлетелась вдребезги. Вид у них теперь был такой, будто они тайком творили нечто непристойное.

Разумеется, ей не нужно было объясняться перед слугой, достаточно было просто гордо уйти. Но дождь пошел как назло — ни раньше, ни позже. Словно сам Небосвод решил доставить ей неприятностей.

Бо Цин, работая проворно, быстро подал свежеприготовленное лекарство. Нин Фу не удостоила его взглядом, лишь выпрямила спину и продолжила сидеть на месте, бездумно теребя в руках шелковый платок с вышитыми пионами.

Хань Цзинь залпом выпил отвар и, опустив чашу, холодно поторопил:

— Еще не ушла?

— ...Да.

Нин Фу поспешно поднялась, стараясь скрыть смущение. Она наконец решилась высказать то, о чем размышляла уже давно. Она вовсе не считала, что недавние действия А Цзиня были преднамеренными. Особенно когда его терзали остатки яда — та боль на его лице была слишком искренней, это не могло быть игрой.

Однако в глубине души она все же чувствовала досаду. Хотя она и знала, что только что потеряла лицо перед подчиненным, кто мог ожидать, что он поведет себя так бесцеремонно? Болезнь еще не отступила, он сам в плену обстоятельств, а он уже позволяет себе такие объятия. Хорошо еще, что Пятая принцесса — натура простодушная и не подумала о чем-то порочном. Иначе за подобную дерзость им обоим не сносить бы головы.

Хань Цзинь усмехнулся, и в его взгляде промелькнуло нечто трудноуловимое.

— Тогда, может, принцесса сама меня научит?

Она вдруг вспомнила об этом и решила заодно свести все счета.

Сейчас он заперт в Да Ли, и каким бы знатным ни было его положение в Юнци, здесь он — лишь жалкий раб Пятой принцессы. Как он смеет...

В комнате снова остались только они вдвоем. Нин Фу, обеспокоенная, взглянула на небо: ливень стеной, выйти из-под навеса невозможно.

Услышав ее упреки, Хань Цзинь не изменился в лице. Он лишь пододвинул табурет, обитый красным деревом и мрамором, сел напротив и, глядя на падающие за краем крыши жемчужные нити дождя, спокойно ответил:

— Раз я раб, разве не должен я почтительно служить своей госпоже?

Бо Цин, которого выставили, покорно ретировался с пустой чашей в руках. Даже сейчас, вспоминая ледяной, полный убийственной ярости взгляд своего господина, он невольно содрогался.

Бо Цин знал свое место: о том, о чем думать не следует, лучше забыть. Его господин собирался восстановить тайную сеть в Да Ли и искать помощи, чтобы как можно скорее вернуться на родину. А сейчас, когда даже его собственные дела не сдвинулись с мертвой точки, думать о чем-то постороннем было непозволительной роскошью.

С этой мыслью Бо Цин, опустив голову, украдкой взглянул на Пятую принцессу, поклонился и поспешно удалился.

— Будет холодно.

Она не ожидала, что он внезапно протянет руку, останавливая ее, и с такой естественностью коснется ее плеча.

Нин Фу в испуге отвела взгляд, чуть подалась назад и возразила:

— Я хочу послушать дождь под навесом, мне здесь покойно.

Поэтому, когда Нин Фу заговорила, ее тон был лишен суровости, это было скорее предупреждение:

— А Цзинь, я говорю серьезно. Впредь будь сдержаннее. Особенно не приближайся ко мне так, как сейчас... Я знаю, что у тебя нет дурных намерений, но если Сяовэй Цуй увидит это и доложит моему второму брату, тебе не поздоровится. И если дойдет до этого, я уже ничем не

смогу помочь.

Она подняла глаза и прошептала:

— А когда ты вообще был по-настоящему почтителен?..

Она тихо вздохнула, даже не заметив, как кто-то приблизился сзади, пока на ее плечи не легла белоснежная шелковая накидка.

Нин Фу замерла. Ей показалось, что его взгляд стал слишком глубоким, и она демонстративно напустила на себя невозмутимый вид, уклоняясь от его глаз:

— Я ведь собиралась тебя проучить. Если бы не твои раны, ты бы уже получил от меня несколько ударов кнутом... Кстати, ты порвал мой кнут и обещал возместить ущерб.

Обычно Нин Фу не придавала значения таким мелочам, но то, как у Бо Цина чуть не отвисла челюсть, вывело ее из себя. Какой бы свободной от условностей она ни была, достоинство законной принцессы не позволяло ей вести себя так неосмотрительно.

Сказав это, она потянулась, чтобы сбросить с себя его накидку. Он ведь носил ее, она была пропитана легким ароматом его лекарств — как она может набросить ее на свои плечи? Это было бы непозволительной вольностью.

Нин Фу удивляло, что он так легко принял свою участь раба. Она знала, что когда-то он был сыном богатой семьи, но из-за внезапной беды стал преступником. Такая резкая перемена статуса — было естественно, что он не мог сразу смириться. Раньше, когда она называла его рабом, он явно противился, а теперь сам признал это и принял спокойно. Нин Фу никак не могла понять, почему.

— Холодный дождь легко проникает в тело, может, зайдешь внутрь? — Хань Цзинь слегка склонился, и от него повеяло теплом.

— Помнишь, завтра отдашь?

Почему опять завтра... Нин Фу заколебалась, взглянула на колышущуюся от ветра занавеску из листьев и тихо проговорила:

— Дожди, похоже, затянутся, может, я завтра и не приду.

Хань Цзинь напомнил:

— Вашему Высочеству еще нужно смазывать рану на запястье, нельзя прерывать лечение.

Нин Фу поморщилась — отвлекаясь на пустяки, она совсем забыла о себе.

Она закусила губу:

— Тогда... ты снова поможешь мне смазать?

После того, что случилось, она хотела бы держаться подальше, но, глядя на искреннее лицо А Цзиня, на то, как он старается ради нее, Нин Фу задумалась: не стала ли она, запертая в глубинах дворца, слишком манерной и подозрительной?

Как он и сказал, слуге положено прислуживать госпоже, это обычное дело.

— Не хочешь?

Нин Фу уже хотела покачать головой, как он опередил ее вопросом. Он властно, не терпящим возражений жестом перехватил ее запястье, и его голос похолодел:

— Или Ваше Высочество хочет позвать Бо Цина?

Нин Фу заметила: он называет ее Вашим Высочеством только когда недоволен, и в этом обращении нет ни капли почтения.

Взгляд упал на его руку. Она не рассердилась, но тон ее стал строже:

— Я же сказала, ты не должен так просто брать меня за...

Она запнулась, осознав, что фраза «брать за руку» звучит двусмысленно. Но пока она колебалась, он сжал ее крепче, хотя и очень осторожно, чтобы не задеть рану.

Ушки Нин Фу покраснели. Она попыталась вырваться, но он не отпускал.

— А Цзинь... — прошептала она.

Хань Цзинь оставался непреклонен. Опустив взгляд, он упорно спрашивал:

— Я или он?

Нин Фу моргнула, не понимая, что его так задевает, но почувствовала, как от его пальцев исходит жар. Не в силах сопротивляться, она поддалась:

— Тебя.

В конце концов, рука у Бо Цина тяжелая, да и нежность — не его черта, а ей не хотелось причинять себе лишнюю боль.

— Что? — намеренно переспросил он.

Нин Фу подумала, что А Цзинь просто невыносим — она не верила, что он не расслышал. Она сердито сверкнула на него глазами в знак предупреждения и отвела взгляд.

Сама того не зная, она не могла скрыть под длинными ресницами алый румянец, заливший щеки.

Хань Цзинь смягчился и больше не стал ее дразнить. Он медленно размотал повязку, достал полупрозрачный фарфоровый флакон и, осторожно капая лекарство на края раны, принялся аккуратно его наносить.

Нин Фу молча наблюдала за ним, даже забыв о боли:

— Почему ты носишь пузырек с лекарством за пазухой?

Он ответил:

— Оно эффективнее, когда теплое. Трава туцао не любит сырости, от холода она теряет свои свойства. Луна в дымке предвещает ветер, влага на камнях — дождь. Вчера вечером я заметил, что небо затянуто тучами, и побоялся, что сегодня не прояснится. Поэтому заранее растер стебли и приготовил лекарство, чтобы оно было под рукой.

На самом деле, причина была не только в этом. С тех пор как ему стало лучше и он смог встать с постели, стража в Резиденции принцессы усилила бдительность. Неизвестно, был ли это приказ наследного принца или самодеятельность Сяовэя, но каждую ночь патрульные без предупреждения врываются в его покои. Они обыскивали всё, и если находили что-то подозрительное, не слушая объяснений, конфисковали и уничтожали находки.

Хань Цзинь не хотел лишних конфликтов, поэтому днем растирал лекарство и разливал по флаконам, а ночью, чтобы уберечь его, спал, прижимая к груди.

Теперь флакон перекочевал в руки маленькой принцессы — он все еще хранил его тепло.

Видя, как она сжимает его, он невольно почувствовал, как сжалось и его сердце.

Нин Фу позволила ему снова перевязать рану. Свободной рукой она повертела флакон и, разглядев его на свету, спросила:

— Здесь еще много осталось, должно хватить не на один раз.

Пока она размышляла, глядя на флакон, она вдруг почувствовала горячее дыхание у самого запястья. От неожиданности она выпрямилась, по спине пробежал холодок.

Опустив взгляд, она увидела, что А Цзинь склонился совсем близко — расстояние между его лицом и ее рукой было не больше толщины большого пальца. Он осторожно дул на рану.

Ее охватила нестерпимая щекотка.

И не только в месте раны.

— А Цзинь... — голос дрогнул.

Но он перебил ее. Держа ее за руку, он дул еще мягче и медленнее, словно оберегая величайшую драгоценность. Еще немного — и его губы коснулись бы ее запястья.

Нин Фу никогда прежде не испытывала ничего подобного. Смущение было не скрыть, пальцы ног невольно подогнулись — хорошо, что в темноте этого не было видно.

— Так меньше болит?

Его дыхание тяжелым грузом оседало на ее нежной коже. Она ошеломленно смотрела на него.

На его лице не было ни тени смущения, взгляд не дрогнул. Нин Фу окончательно запуталась: разве подобает слуге так вести себя с госпожой?

Слуга прислуживает госпоже — это просто обычное усердие.

Она сжала пальцы и постаралась сохранить спокойствие. Нельзя терять достоинство принцессы перед ним.

— Стало лучше. А Цзинь, впредь не обязательно так делать, не так уж и болит.

— Это мой долг.

Услышав это, Нин Фу наконец выдохнула. Выходит, он действительно просто ей прислуживает. Если сравнить его поведение с тем, как ведут себя Цю Куй и Дун Мэй, то ничего предосудительного здесь нет.

Нин Фу все еще держала его за руку, но теперь не чувствовала себя как на иголках — наоборот, стало легче.

Когда перевязка была окончена, он не сразу отпустил ее руку, но и не сжимал ее — лишь легонько поглаживал кончики ее пальцев, словно играя.

— Береги лекарство, завтра и послезавтра можешь не приходить.

— Что? — Нин Фу опешила.

Хань Цзинь указал на стену дождя:

— По небу видно, что лить будет дня три. Дороги размыты, да и холодно, боюсь, ты простудишься.

Нин Фу взвесила в руке пузырек, заполненный на семь десятых:

— Вот почему ты заранее приготовил лекарство на три дня.

Он кивнул, не отрывая от нее глаз:

— Рана почти затянулась, через пару дней всё пройдет. Остальное маленькая принцесса сможет намазать сама, когда останется одна. Прости за мое нерадение.

Снова «маленькая принцесса»...

Услышав это непочтительное обращение, Нин Фу слегка наклонила голову:

— Ты опять не соблюдаешь правила.

Он усмехнулся, его взгляд был голодным. На ее упрек он не только не покаялся, но и словно невзначай провел пальцем по ее ладони. Увидев, как она вздрогнула, Хань Цзинь с трудом удержался от того, чтобы не притянуть ее к себе.

Он нарочно подразнил ее:

— Слушаюсь, маленькая принцесса?

Нин Фу поджала губы, оставшись недовольной. Она подумала: «Принцесса» — это еще куда ни шло, зачем добавлять это липкое «маленькая»? Почтения в этом ни на грош, а в ушах от него почему-то начинает щекотать.

Она притворно рассердилась и выдернула руку, но на кончиках пальцев остался жар его кожи — приятное покалывание, от которого у нее на душе стало совсем беспокойно.

— Тебе... тебе не позволено так меня называть...

Хань Цзинь улыбнулся и, разжав пальцы, напоследок с нежностью их погладил. Его тон сразу стал почтительным:

— Хорошо. Здесь я буду исполнять всё, что прикажет принцесса.

<http://bllate.org/book/21012/2136237>